

УДК 811.512.144'282.3'342

DOI 10.37972/chgpu.2021.112.3.003

Г.-Р. А.-К. Гусейнов

**ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КИЗЛЯРСКОГО ГОВОРА
ТЕРСКОГО ДИАЛЕКТА КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА
В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ И АРЕАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ**

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

Аннотация. Предметом непосредственного анализа является фонетическая система изолированного кизлярского (селения Кизляр, Предгорное и Малый Малгобек Северной Осетии – Алании) говора терского диалекта кумыкского языка. Данный говор еще не становился предметом специального рассмотрения как в отношении его синхронного описания, так и в исследуемом отношении. Цель настоящей публикации – диахронно ориентированный анализ фонетических особенностей кизлярского говора в широком ареальном и сравнительно-историческом контексте его взаимоотношений с другими кумыкскими диалектами и иными древними и новыми тюркскими языками, включая болгарский (чувашский). На основе положения о первичной локализации древних болгарских диалектов в северокавказской области было установлено более раннее, чем в чувашском, субстратное происхождение некоторых фонетических (вокалических и консонантных) особенностей данного говора. Они вкуче с некоторыми иными кумыкскими диалектами и отчасти карачаево-балкарскими говорами могут восходить к древним болгарским диалектам Северного Кавказа и Дагестана. В результате раннесредневековой и последующей миграции их носителей в Поволжье эти особенности отложились в чувашском языке на различных этапах его предыстории и истории. В говоре обнаруживаются и отдельные, возможно, более поздние черты, обязанные своим происхождением ареально смежным тюркским языкам.

Ключевые слова: *кумыкский язык, терский диалект, кизлярский говор, ареальный, сравнительно-исторический, контекст, болгарский, чувашский языки.*

G.-R. A.-K. Guseinov

**PHONETIC FEATURES OF THE KIZLYAR SUBDIALECT
OF THE TEREK DIALECT OF THE KUMYK LANGUAGE
IN THE COMPARATIVE-HISTORICAL AND AREAL CONTEXT**

Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Abstract. The subject of the analysis is the phonetic system of the isolated Kizlyar (Kizlyar, Podgornoe and Maly Malgobek villages of North Ossetia-Alania) subdialect of the Terek dialect of the Kumyk language. This subdialect has not yet been the subject of special consideration, both with regard to its synchronous description and of the investigated relation. The purpose of this publication is a diachronically oriented analysis of the phonetic features of the Kizlyar subdialect in the wide areal and comparative-historical context of its relationship with other Kumyk dialects and other ancient and new Turkic languages, including Bulgar (Chuvash). Based on the provision on the primary localization of ancient Bulgarian dialects in the North Caucasus region, an earlier substrate origin of some phonetic (vocal and consonant) features of this dialect were established than in Chuvash. They, together with some other Kumyk dialects and partly Karachay-Balkarian subdialects, can go back to the ancient Bulgarian dialects of the North Caucasus and Dagestan. As a result of the early medieval and subsequent migration of their speakers to the Volga region, these features were deposited in the Chuvash language at various stages of its prehistory and history. In the subdialect, separate, possibly later features are also found, obligated by their origin to areally adjacent Turkic languages.

Keywords: *Kumyk language, Terek dialect, Kizlyar subdialect, areal, comparative-historical context, Bulgarian and Chuvash languages.*

Введение. Носители рассматриваемого говора терского диалекта кумыкского языка исторически (оказавшись с XVIII–XIX вв. в русско-осетино(кабардино)-ингушском окружении) проживают вплоть до настоящего времени в Центральной части Северного Кавказа в собственно кумыкских сельских населенных пунктах Моздокского района Республики Северная Осетия – Алания – Кизляр (Верхние Бековичи / Бекиш-юрт, Кучук / Гючюк-юрт), а также Предгорное и Малый Малгобек. По названию главного поселения – Кизляр – они именуется в настоящее время кизлярскими кумыками, в отличие от прочих кумыков Дагестана и Чечни, где также по Тереку представлены носители другого (брагунского) говора терского диалекта.

Актуальность исследуемой проблемы. Впервые терский диалект кумыкского языка, именуясь «кизлярско-моздокским», упоминается в перечне «татарских» (тюркских) наречий России Т. Н. Макаровым [11, с. IV–V] в его «Татарской грамматике кавказского наречия» – первой научной грамматике кумыкского языка. Причем рассматриваемый (кизлярский) говор данного диалекта еще не становился предметом системного лингвистического описания, в отличие от другого – бораганского (брагунского) – говора, которому посвящена монография Н. Х. Ольмесова [12].

Лишь в 1967 году фонетические, грамматические и лексические особенности терского диалекта впервые, но без упоминания его говоров, были сравнительно подробно описаны в «Очерках кумыкской диалектологии» И. А. Керимова [8]. Затем Д. М. Хангишиев [18], характеризуя терский диалект, приводит краткое описание его фонетико-грамматических особенностей в целом.

В дальнейшем фонетический материал брагунского и кизлярского говоров, наряду с прочими кумыкскими диалектами и говорами, становится предметом сравнительно-исторического рассмотрения в монографии Н. Х. Ольмесова [13]. В силу того что терский диалект отличается от литературного языка «лишь некоторыми незначительными морфологическими особенностями» [8, с. 120], целью настоящей работы является диахронно ориентированный анализ фонетических особенностей кизлярского говора в широком ареальном и сравнительно-историческом контексте его взаимоотношений с другими кумыкскими диалектами и иными древними, включая болгарский (чувашский), и новыми тюркскими языками.

Материал и методы исследования. В 2015 году был впервые осуществлен системный сбор лексического материала говора, в основу которого был положен словарь (более 1300 наименований) «Серии межконтинентальных словарей» Департамента лингвистики Института эволюционной антропологии имени М. Планка (г. Лейпциг, ФРГ). Выявленная специфическая, неизвестная кумыкскому литературному языку лексика данного говора (174 лексические единицы) была обнародована в специальной статье [10]. В соответствии с целью данной статьи используются приемы сравнительно-исторического (внутренняя и внешняя реконструкция) и описательного методов, а также лингвистической географии и ареальной лингвистики.

Результаты исследования и их обсуждение. 1. Состав согласных и их фонетические процессы. Подобно морфологическим особенностям, в терском диалекте встречаются те же согласные фонемы, которые имеются в кумыкском литературном языке при отсутствии иных различий в системе консонантизма. При этом в обоих его говорах не употребляется увулярный смычный *къ*, который в начале слова заменяется фарингальным *хъ*; ср.: терск. *хъол* – лит. *къол* «рука», *хъала* – лит. *къала* «крепость» и др. [8, с. 113, 133]. Кроме того, другие диалектологи отмечают соответствие буйнакского анлаутного *хъ*- хасавюртовскому

къ-, ареально смежному терскому диалекту, при том, что в отдельных случаях хъ- на месте къ- наблюдается и в хасавюртовском диалекте (ср.: терск., хасав. *хомуз*, но кайтаг. *къомуз* «комуз», терск. *хыртыш*, хасав. *хыртыч*, буйнак. *Къыртыш* // *хыртыч* «поверхностный, неглубокий (о ране)», терск., хасав. *хомурсгъа*, подгорн. *къомурсгъа* «муравей» и др.) [13, с. 178], [18, с. 70].

При этом частичная анлаутная спирализация къ->х- междиалектного характера наблюдается наряду с кумыкским лишь в единичных случаях в ногайских и турецких диалектах [17, с. 180]. Речь тем самым идет о частичной (къ->хъ-) спирализации, которая наблюдается и в архаическом южном кайтагском диалекте и относится к числу древних хазарских (булгарских) черт куманских (кыпчакско-половецких) языков [3, с. 79], к которым относится и кумыкский. Кроме того, бытование подобного звука допускается для древнечувашишского (булгарского) периода (до IX в. н. э.) истории чувашского языка до прихода предков чувашей на Волгу, когда уже к VIII в. неконечный хъ утратил смычку и дал собственно чувашский спирализант х [16, с. 680, 703].

Как уже было установлено автором данного исследования, первичная локализация булгарских диалектов имела место в северокавказской области [4, с. 20]. Данный факт позволяет полагать, что сохранение фарингального хъ в терском, кайтагском, буйнакском и частично в хасавюртовском диалектах является в них древним булгарским (догузско-кыпчакским) наследием. Наличие фарингального (придыхательного) хъ- отмечается также и во всех позициях ареально смежных терскому диалекту кумыкского языка малкарского и холамо-бызынгийского говоров (карачаево-)балкарского [5, с. 19], являясь, возможно, тем самым областью первоначального распространения данного явления.

При этом следует иметь в виду большую сохранность огузских черт в кайтагском и буйнакском диалектах и наиболее поздних кыпчакских – в терском и хасавюртовском, что указывает на достаточно древний субстратный, имея в виду, что «языковой субстрат выявляется как совокупность закономерных ошибок, которые делают носители побежденного языка, переходящие на новый язык» [1, с. 60], булгарский характер рассмотренного явления в кумыкском языке в целом. Исключение составляет лишь отсутствие рассматриваемого явления в ареально смежном кайтагскому подгорном диалекте, что могло быть обусловлено более поздним развитием в некоторых его говорах, обусловленным адстратным фонетическим влиянием соседних горских языков, обусловившим развитие в данном диалекте смычно-гортанных согласных, включая *къ* на месте тюркского *къ* (см.: [13, с. 184–188]; [18, с. 55, 57]).

Не случайно такой известный тюрколог, как И. Л. Кызласов, считает, что отделение булгарской группы могло иметь место от 120 года до н. э. до рубежа эр и даже немного раньше. И самое главное – не быть связанным, как традиционно полагают, с пределами Центральной Азии. Тем более, по его мнению, «исходя из представлений о прародине тюркских народов в Центральной Азии, исследователи неоднократно пытались отыскать там следы пребывания хазар и булгар. Старания оказались безуспешными» [9, с. 252].

2. Состав гласных и их фонетические процессы. 1. В некоторых словах обоих говоров терского диалекта, наряду с гласными звуками литературного языка (*a, o, y, ы, э, оь, уь, и*), отмечается бытование переднерядного *аь*, сфера употребления которого (и в первом, и непервом слогах) шире, чем в остальных кумыкских диалектах (ср.: *аьз* «мало», *браьз* «немного», *блаьй* «так», *блаьзик* «браслет», *заьт* «вещь», *аьстаь* «тихо, медленно», *хатаьр* «случай»). Она качественно близка к аналогичной ногайской, в которой данный звук считается более поздним арабско-персидским или иранским усвоением, как и в других канглийских языках. В терском диалекте *аь* имеет гораздо большую сферу употребления, чем в соседнем хасавюртовском диалекте, образующем вместе с ним северное (собственно кыпчакское, на наш взгляд) кумыкское наречие, редко употребляясь в буйнакском

диалекте (встречается в исконных словах, но позиционно ограничено). Кроме того, в говорах терского и хасавюртовского диалектов представлены несколько отодвинутые назад губные собственно кыпчакские *оь*, *уь*, центром функционирования которых считается другой – бораганский (брагунский) – говор терского диалекта. Говоря о фонетических процессах в вокализме терского диалекта, особенно в рассматриваемом кизлярском говоре (*у* и *уь* за первым слогом систематически заменяется негубными *ы* и *и*, тогда как в бораганском (брагунском) говоре эта замена носит спорадический характер), следует отметить, что в нем в наибольшей степени распространена в позиции после первого слога частично известная в некоторых говорах хасавюртовского диалекта *делабиализация* широких и узких гласных (ср.: кизл. *тиз* – лит. *туьз* «верно», терск. *быдай* – кум. лит. *будай* «пшеница», терск. *тип* – лит. *туьп* «дно», терск. браг. *уьфирик* – лит. *уьфуьруьк* «мочевой пузырь», терск. *Кьутсыз* – лит. *кьутсуз* «скряга», терск. *кьаравсыз* – лит. *кьаравсуз* «без присмотра», терск. *Отлыкь* – лит. *отлукь* «кормушка, ясли», хасав. *Кьамыш* – лит. *кьамуш* «камыш», хасав. *тамыр* – лит. *тамур* «корень» и др.), присущая и карачаево-балкарскому языку (см.: [8, с. 106–107], [16, с. 42, 219, 221]; [13, с. 13–14], [15, с. 32, 35–36, 38–39, 41, 43, 61, 62, 65, 70–78], [18, с. 73–74]).

2. Для кизлярского говора, как и терского диалекта в целом, характерна как *лабиализация* *и* и *ы* (ср.: терск. *йуп* – лит. *йип* «нитка», терск., хасав. *уьтту* – лит. *итти* «острый» и др.), так и *депалатализация* передних губных *уь* и *оь* (ср.: терск. гундуз – лит. *гуьндуьз* «днем», терск. *гучик* – лит. *гуьчуьк* «щенок», терск. *корук* – лит. *коьруьк* «большая печь, пекарня»). Первая из них частично известна южным подгорному и кайтагскому кумыкским диалектам, вторая – только им [13, с. 59, 61–62]. Она поддерживается в них территориально близкими говорами карачаево-балкарского, ногайского и азербайджанского языков, а также имела место в истории ареально отдаленных и более северных чувашского и караимского языков, мишарского диалекта татарского языка и его касимовского говора [17].

В кизлярском говоре обнаруживается отдельный, надо полагать, вследствие ограниченной выборки, случай депалатализации широкого лабиализованного наряду с его сужением (*гунелтки* – кум. лит. *гоьлентки*, ср. ног. *коьлетки* ‘тень’), неизвестный другим кумыкским диалектам и говорам. И, как отметил Н. Х. Ольмесов, сужение губных гласных отмечается в основном в терском, кайтагском и подгорном диалектах (ср.: терск., подгорн., кайтаг., хасав., *чупур* – лит. *чопур* «рябой», терск., подгорн., кайтаг. *уху* – лит. *оху* «читай», терск., подгорн., кайтаг. *хунча* – лит. *хонча* «стол, уставленный яствами», кайтаг. *хуртма* – лит. *хортма* «кит» и др.), в то время как для чувашского, башкирского и татарского языка он является закономерным [13, с. 59, 60].

При этом в первом из вышеупомянутых языков сужение «имеет место в среднечувашский (IX – XIV–XV вв.) период» [16, с. 683]. В татарском и башкирском, в которых данный процесс сочетается с расширением и включает нелабиализованные гласные, интерпретируется как «преломление гласных», которое началось с гласных среднего подъема **o>i* и **ö>i* примерно в то же время – в XV в. [6, с. 8–9, 32]. Все это не исключает действия болгарского субстрата, о котором говорилось в предшествующем изложении в связи сохранностью огузских черт в кайтагском и буйнакском диалектах и кыпчакских – в терском и хасавюртовском.

В свою очередь, факт того, что в настоящее время «центром сильно опередненных [оь, уь] выступают говоры [центрального] буйнакского диалекта» [13, с. 61–62], может быть объяснен тем, что «несмотря на расселение огузов и сменивших их кыпчаков, местное огузированное болгарское население... достаточно долго сохранялось... на Северном Кавказе и в Дагестане» [3, с. 53]. Тем самым, имея в виду и иные вышеупомянутые обстоятельства того же порядка, можно полагать, что сильно опередненные *оь*, *уь* предгорного

буйнакского диалекта сохранили более давнее огузское состояние, а говоры северных равнинных терского и хасавюртовского диалектов могли образоваться вследствие более ранней кыпчакизации их прежних огузских носителей, речь которых еще до этого могла наложиться на болгарский субстрат.

Считается, что *лабиализация* и *делабиализация*, которые распространены в терском, подгорном и кайтагском диалектах, носит ареальный характер и поддерживается территориально близкими говорами карачаево-балкарского, ногайского и азербайджанского языков [13]. Однако вместе с тем делабиализация имела место в истории ареально отдаленных чувашского и караимского языков, мишарского диалекта татарского языка и его касимовского говора. Кроме того, мишарский с кумыкским сближает полная делабиализация *o* и *oь*, которая присуща вышеупомянутым архаическим кумыкским диалектам – терскому и кайтагскому [3].

Не исключено поэтому, что рассматриваемая черта могла возникнуть и в новочувашском языке после «окончания среднечувашской эпохи к XIV–XV вв., когда началась последняя значительная перестройка вокализма» [16, с. 686–687]. Что касается близкородственного кумыкскому караимского языка, то, видимо, и к нему может быть отнесено достаточно авторитетное мнение Н.А. Баскакова, согласно которому «караимы входили в болгаро-хазарский, узо-печенежский и только позже – в кипчакско-половецкий племенной союз с господствующим кыпчакским языком» [2, с. 6].

При этом следует принять во внимание, что будущие носители мишарского диалекта (ср. их самоназвание мажар, маджар, мажгар) татарского языка могли продвигаться в XIV в. из одной из областей своего первоначального проживания – Борган–Маджар, в районе нынешней исторической локализации носителей рассматриваемого кизлярского говора, – в Поочье, в район Мещеры, которая вошла в середине XV в. в Касимовское ханство. Здесь они стали известны под названием «можар», а затем «мишар» [3, с. 85]. Не исключено вместе с тем, что под влиянием произносительных навыков древних носителей данного говора, т. е. брагунцев-маджар, в ареально смежном с ним с недавних времен ингушском языке могли развиваться процессы делабиализации и депалатализации [7], присущие рассматриваемому говору.

Остается неясной не присущая другим кумыкским диалектам и говорам *редукция* узкого нелабиального гласного первого слога [13], [14] в кизляр. *блязик* «запятье» (ср. кум. лит., ног. *билезик* «браслет») с расширением последующего гласного (ср. кизляр. *мыяма* – кум. лит. *мияма* «паук» пратюркского уровня [17, с. 184]), что наблюдается в лишь ограниченном числе слов хасавюртовского диалекта (см. [13, с. 254]) и поддерживается практически аналогичными по звучанию тат., башк. *бйләзік* тоже обще-, межтюрк. характера [14, с. 143–144]. Неясность заключается и в том, что наблюдаемая здесь редукция, характерная для чувашского языка, уральской (поволжской) и канглийской (кыпчакско-ногайской) подгрупп кыпчакских языков [15, с. 224], датируется (древнеболгарским) временем до прихода болгар в Поволжье, т. е. с рубежа новой эры до IX в. н.э.

Выводы. 1. Основой произведенного в соответствии с целью работы анализа является положение о том, что первичная локализация древних болгарских диалектов имела место в северокавказской области. Отсюда их носители к IX в. н. э. мигрируют в Поволжье. По Л. И. Кызласову, чье мнение разделяет автор данного исследования, отделение болгарской группы от пратюркского ядра не связывается с пределами Центральной Азии.

2. К свидетельству наличия древнеболгарских черт в консонантизме кумыкских, включая терский, и ареально смежных им карачаево-балкарских диалектах, отложившихся и в древнечувашском (болгарском) языке, относится наличие фарингального (придыхательного) *хь-*, который развился на месте пратюркского *кь-* в анлауте кумыкских и во всех позициях карачаево-балкарских диалектов.

3. Для системы гласных рассматриваемого говора, как и терского диалекта в целом, характерна как лабиализация *u*, *y* и делабиализация широких и узких гласных, так и депалатализация передних губных *уь* и *оь*. Последняя может сочетаться с сужением и могла иметь место в более поздний среднечувашский период истории чувашского языка (IX – XIV–XV вв.), а также в татарском и башкирском, имея в виду продолжавшуюся, возможно, и в это время северную миграцию северокавказско-булгарского населения.

4. Наряду с возможным ногайским происхождением в обоих говорах терского диалекта переднерядного *аь* остается неясной *редукция* узкого нелабиального гласного первого слога *вкизляр. блязик* «запястье» (при кум. лит., ног. *билезик* «браслет») с расширением последующего гласного. Данное явление наблюдается в лишь ограниченном числе слов хасавюртовского диалекта и поддерживается практически аналогичными по звучанию, но ареально отдаленными тат., башк. *бӱлэзӱк* также обще-, межтюрк. характера.

Перспективы исследования заключаются в том, чтобы, опираясь на данные терского диалекта кумыкского языка в лице его кизлярского говора, а также иных кумыкских диалектов, установить и обобщить дополнительные, наряду с фарингализацией *къ > хъ*, фонетические и иные языковые сведения, выявить свидетельства миграции носителей древних северокавказских булгарских диалектов в Поволжье. В последнем отношении речь идет об ономастических исследованиях автора, утверждающих, в частности, что более древней формой гидронима *Самара* является название реки *Самур*, пограничной между нынешними Дагестаном и Азербайджаном.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абаев В. И.* О языковом субстрате // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – Т. IX. – С. 57–69.
2. *Баскаков Н. А.* Предисловие // Караимско-русско-польский словарь. – М. : Русский язык, 1974. – С. 5–10.
3. *Гусейнов Г.-Р. А.-К.* История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком. – Махачкала : Алеф, 2010. – 214 с.
4. *Гусейнов Г.-Р. А.-К.* Сравнительный анализ булгаризмов языков венгерского, Северо-Восточного Кавказа и Дагестана в историко-этимологическом и ареальном контексте // Российская тюркология. – 2014. – № 2(11). – С. 20–26.
5. *Дыбо А. В.* Фонологические особенности карачаево-балкарских диалектов на общетюркском фоне // Российская тюркология. – 2018. – № 1–2 (18–19). – С. 16–28.
6. *Дыбо А. В., Норманская Ю. В.* Периодизация тюркских заимствований в финно-угорских языках // Урало-алтайские исследования. – 2013. – № 4 (11). – С. 7–40.
7. *Имнайшвили Д. С.* Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. – Тбилиси : Мецниереба, 1977. – 299 с.
8. *Керимов И. А.* Очерки кумыкской диалектологии. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1967. – 155 с.
9. *Кызласов И. Л.* Вопросы хазароведения // Степи Восточной Европы в средние века : сборник памяти Светланы Александровны Плетневой. – М. : Авторская книга, 2016. – С. 249–257.
10. *Магомедова А. Ш., Хажалиева И. З., Шамурзаева Р. Г.* Лексика кизлярского говора терского диалекта, неизвестная кумыкскому литературному языку // Записки молодого лингвиста. – Махачкала, 2015. – С. 134–139.
11. *Макаров Т. Н.* Татарская грамматика кавказского наречия. – Тифлис : Типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1848. – VII+143 с.
12. *Ольмесов Н. Х.* Бораганский говор и его место в системе диалектов кумыкского языка. – Махачкала : Издательство Дагестанского государственного университета, 1994. – 142 с.
13. *Ольмесов Н. Х.* Сравнительно-историческое исследование диалектной системы кумыкского языка. Фонетика. Морфонология. – Махачкала : Издательско-полиграфический центр Дагестанского государственного университета, 1997. – 327 с.
14. *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. – М. : Наука, 1978. – 350 с.
15. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – М. : Наука, 2006. – 908 с.

16. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. – М. : Наука, 2002. – 767 с.
17. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. – М. : Наука, 1984. – 484 с.
18. Хангшиев Д. М. Къумукъ диалектологиясы. Къыгъгъа курс. – Магъачкъала : РИО ДГУ, 1989. – 81 с.

Статья поступила в редакцию 23.08.2021

REFERENCES

1. Abaev V. I. O yazykovom substrate // Doklady i soobshcheniya Instituta yazykoznanija AN SSSR. – М. : Izd-vo AN SSSR, 1956. – Т. IX. – S. 57–69.
2. Baskakov N. A. Predislovie // Karaimsko-russko-pol'skij slovar'. – М. : Russkij yazyk, 1974. – S. 5–10.
3. Gusejnov G.-R. A.-K. Istoriya drevnih i srednevekovyh vzaimootnoshenij yazykov Severo-Vostochnogo Kavkaza i Dagestana s russkim yazykom. – Mahachkala : Alef, 2010. – 214 s.
4. Gusejnov G.-R. A.-K. Sravnitel'nyj analiz bulgarizmov yazykov vengerskogo, Severo-Vostochnogo Kavkaza i Dagestana v istoriko-etimologicheskom i areal'nom kontekste // Rossijskaya tyurkologiya. – 2014. – № 2(11). – S. 20–26.
5. Dybo A. V. Fonologicheskie osobennosti karachaevno-balkarskih dialektov na obshchetyurkskom fone // Rossijskaya tyurkologiya. – 2018. – № 1–2 (18–19). – S. 16–28.
6. Dybo A. V., Normanskaya Yu. V. Periodizacija tyurkskih zaimstvovanij v finno-ugorskih yazykah // Uralo-altajskie issledovaniya. – 2013. – № 4 (11). – S. 7–40.
7. Imnajshvili D. S. Istorko-sravnitel'nyj analiz fonetiki nahskih yazykov. – Tbilisi : Mecniereba, 1977. – 299 s.
8. Kerimov I. A. Oчерки кумыкской диалектологии. – Mahachkala : Daguchpedgiz, 1967. – 155 s.
9. Kyzlasov I. L. Voprosy hazarovedeniya // Stepi Vostochnoj Evropy v srednie veka : sbornik pamyati Svetlany Aleksandrovny Pletnevoj. – М. : Avtorskaya kniga, 2016. – S. 249–257.
10. Magometova A. Sh., Hazhalieva I. Z., Shamurzaeva R. G. Leksika kizlyarskogo govora terskogo dialekta, neizvestnaya kумыкскому литературному языку // Zapiski molodogo lingvиста. – Mahachkala, 2015. – S. 134–139.
11. Makarov T. N. Tatarskaya grammatika kavkazskogo narechiya. – Tiflis : Tipografiya Kancelarii Namestnika Kavkazskogo, 1848. – VII+143 s.
12. Ol'mesov N. H. Boraganskij govor i ego mesto v sisteme dialektov kумыкского языка. – Mahachkala : Izdatel'stvo Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta, 1994. – 142 s.
13. Ol'mesov N. H. Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie dialektnoj sistemy kумыкского языка. Fonetika. Morfonologiya. – Mahachkala : Izdatel'sko-poligraficheskij centr Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta, 1997. – 327 s.
14. Sevortyan E. V. Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov. – М. : Nauka, 1978. – 350 s.
15. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov. Pratyurkskij yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka. – М. : Nauka, 2006. – 908 с.
16. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov. Regional'nye rekonstrukcii. – М. : Nauka, 2002. – 767 s.
17. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov. Fonetika. – М. : Nauka, 1984. – 484 s.
18. Hangishiev D. M. K"umuk" dialektologiyasy. K"ysg"acha kurs. – Mag'achk"ala : RIO DGU, 1989. – 81 s.

The article was contributed on August 23, 2021

Сведения об авторе

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадирович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Дагестанского государственного университета, г. Махачкала, Россия; e-mail: garun48@mail.ru

Author information

Guseinov, Garun-Rashid Abdul-Kadyrovich – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language, Dagestan State University, Makhachkala, Russia; e-mail: garun48@mail.ru